

ГЛАВА ПЕРВАЯ

18 февраля, 1943 г.

До Харькова осталось шестнадцать верст, о чем наглядно извещал валяющийся в кювете километровый знак. Кто-то заботливо счистил снег с таблички, чтобы можно было видеть написанное. «ГАЗ-64» с брезентовым тентом сделал вынужденную остановку. Машина была подержанной, часто ломалась. Двигатель заглох, издав перед кончиной душераздирающий скрежет. В шесть рук отогнали внедорожник к обочине, стали разбираться, в чем дело.

— Повезло, что не в бою сломались, товарищ капитан, — с виноватой улыбкой сообщил лейтенант Шендрик и забрался под капот.

Из двигателя струился дымок. Повезло — не то слово. Капитан Шубин, одетый в зимнюю шинель и ушанку, прошелся по обочине, закурил. Пощипывал морозец. Последний месяц зимы 43-го года выдался щадящим, что способствовало наступлению. Машина сломалась на выезде из небольшого поселка, разбросанного по равнине. Избы сельчан тонули под сугробами. На улице

ни людей, ни животных. Только в нескольких хатах теплилась жизнь — вился дымок над печной трубой. За границей поселка, на дороге — метрах в семидесяти — контрольный пост. Ничего нового не выдумывали, использовали то, что осталось после немцев: шлагбаум, полосатую будку с печкой. К обочине лепились утлые сараи. Полдюжины автоматчиков в коротких полушубках несли службу: равнодушно смотрели, как трое представителей комсостава ремонтируют «газик».

Навстречу проскрипела телега, запряженная старой кобылой: жители освобожденных районов занимались своими делами. Старичок в зипуне держал поводья и, казалось, спал. В груди соломы, обнимая мешок со скарбом, сидела девчушка, исподлобья поглядывая на статного капитана. Красную армию встречали настороженно: полтора года под оккупацией не прошли даром. Мирное население тоже подвергалось гитлеровской пропаганде. Глеб Шубин подмигнул девчушке. «Аборигенка» смутилась, опустила глаза. Но опять посмотрела украдкой: капитан был молод, неплох собой, а круги под глазами и седину на висках можно было и не замечать.

Телега поравнялась с застрявшей машиной, старичок проснулся, стегнул клячу. Лошадка побежала резвее. Молодые офицеры провожали глазами повозку. Лейтенант Царьков увлекся, закашлялся, глотнув дыма. Засмеялся старший лейтенант Виталий Шендрик и быстро сделал

серьезное лицо, перехватив строгий взгляд командира. Чернявый Гоша Царьков занял водительское место, попробовал завести мотор. Попытка провалилась. Двигатель крикнул, выдав облако дыма. Шендрик предусмотрительно отошел подальше. Царьков, надрывно кашляя, вывалился из машины, отбежал, словно она должна была взорваться.

— Хана корыту, товарищ капитан! — выкрикнул молодой лейтенант. — Истекло его время! Я, кстати, предупреждал, что на этом рыдване далеко не уедем!

— Сейчас ваше время истечет. — Шубин скрипнул зубами. Ядовитое облако уже рассеялось. — Что устались? Оба за работу! Царьков, ты же «мастер от бога» — кто хвастался? Чини мотор, не стой. Шендрик, помоги товарищу!

— Ага, сейчас все брошу... — заворчал Шендрик, но на всякий случай присоединился к товарищу. — Товарищ капитан, вы же знаете, что я тупой в технике, до армии обучался в кулинарном училище...

Сил уже не было смотреть на эту беспомощность. В душу закрадывалось опасение, что ночевать придется в заснеженном поле. Снова заскрипели гаечные ключи, Царьков покрикивал на Шендрика, не способного отличить отвертку от кусачек. Положение складывалось неважное. Впору догнать крестьянина на телеге и изъять его транспортное средство для нужд Красной

армии. Но далеко ли уедешь на этой каракатице по холодку? Дорога была пуста — телега свернула в поселок. Автоматчики на КПП потеряли интерес к происходящему. На помощь с их стороны рассчитывать не приходилось.

С востока показалась колонна — в Харьков шли цистерны с ГСМ. Машины двигались неспешно, колонна еще не втянулась в поселок. Движок окончательно доломали: он перестал издавать даже пугающие звуки. Гоша Царьков разводил руками. Он в самом деле предупреждал, что отправляться в путь на этой штуке стоит только любителям приключений. С трагичным видом вздыхал Виталик Шендрик, рослый, с плутоватыми глазами.

— Ладно, забирайте вещмешки и ходу. — Шубин раздраженно махнул рукой. — Будем надеяться, мир не без добрых людей.

О чем переживать? Прилегающие к дороге территории завалены битой техникой — что русской, что немецкой. Одной машиной больше, одной меньше... Он забрал свой вещмешок у Гоши, забросил на плечо «ППШ» и зашагал по обочине. Подчиненные потянулись за ним. Гоша по инерции бубнил, что он не виноват, сделал все, что мог. Военные на КПП подобрались, на всякий случай приготовили оружие. На диверсантов эти трое не тянули, но кто их знает?

— Свои, — бросил Шубин, подходя к рослому сержанту. — Держи бумаги. — Он вынул

из кармана шинели сложенные документы, сунул постовому.

— Ага, здравия желаю, — кивнул тот и начал стягивать плотные рукавицы. На недостаток экипировки Красная армия уже не жаловалась, заводы в тылу работали на полную мощность. Неудобные шинели вытеснялись фуфайками — практичными, пригодными для любых условий.

— Куда направляетесь, товарищ капитан? — спросил сержант, листая бумаги.

— Там написано. Так и скажи, что читать лень. Следуем в Харьков, имея назначение о переводе в сто тридцать третью стрелковую дивизию сороковой армии. Представляем полковую разведку. Со мной мои люди, у них такие же документы.

— Хорошо, счастливого пути. — Сержант пожал плечами и вернул бумаги.

— Издеваешься? — вспыхнул Шубин. — Не видел, что с нами приключилось?

— Сочувствую, товарищ капитан. Но чем вам помочь? Взять на буксир и дотянуть до Харькова? Имеем собственные задачи. Попуток хватает, если что. Вон колонна идет, в нее подсаживайтесь. — Он кивнул на подходящие бензовозы. — Там охрана, всякие приبلудные — уж потеснятся. А нам их все равно останавливать.

Перспектива трястись в кузове не очень окрыляла. Дорога была разбита, на отдельных участках покрыта ледяной коркой, испещрена воронками от снарядов. В «газике» тоже было неудобно,

но тент защищал от ветра. Колонна изрыгала гарь и грохот. Головная машина уже «подходила» — «полуторка» с охраной. За ней чадили четыре бензовоза, напоминавшие уменьшенные железнодорожные цистерны. Топливо Красной армии требовалось постоянно, перебои с горячим вызывали проблемы на фронтах. Заскрипели тормоза — водитель «полуторки» прерывисто выжимал педаль. Тормоза барахлили, машина останавливалась неохотно. Колонна замерла. Распахнулась дверца, спрыгнул представитель комсостава и деловито зашагал на КПП.

— Туда идите, в хвост, — махнул сержант. — В любую машину садитесь — найдете место.

Выбора не было. Ждать у моря погоды — так себе перспектива.

— Пойдемте, товарищ капитан! — Гоша Царьков подтянул спадающий с плеча вещмешок. — По холодку доедем, зато в компании. Шестнадцать верст осталось, за полчаса осилим. А бойцы последят за нашей собственностью, чтобы ей ноги не приделали, — Гоша засмеялся.

А потом еще три часа плутать по Харькову, который вряд ли переполнен жизнерадостными людьми и нарядными зданиями... Караульные потеряли интерес к троице, занялись капитаном из колонны. Шубин уже шагал, месил обувь рыхлый снег на обочине. За бензовозами следовали три бортовых грузовика. В первом было тесно от красноармейцев в куцах шинелях, воору-

женных карабинами. Из кузова предпоследней машины тоже торчали головы. У переднего борта теснились ящики с патронами — явно «попутный груз». В замыкающем автомобиле было сравнительно пусто.

— В хвост пойдем, — буркнул Царьков.

— Погоди. — Шендрик вскарабкался на колесо, завис над бортом. Потом обернулся, глаза у парня блестели. — Сюда, товарищ капитан, здесь неплохо...

Еще бы. Из кузова доносились женские голоса и смех. «Компания будет, — мысленно усмехнулся Глеб. — Душевно доедем. Если дуба не дадим на этом ветру».

— Здравия желаем, товарищ майор! — прокричал Шендрик. — Попутчиков берете? Куда направляетесь, девчата? В Харьков?

— Нет, в Киев, — пошутила женщина, и сидящие в кузове рассмеялись.

— Садитесь уже, — проворчал мужской голос. — Не виси, старлей, сдует.

Машина дернулась, и все трое покатались в кузов под дружный девичий смех. Шубин привалился к заднему борту. Машина тряслась, гуляли борта, подняться было невозможно. Офицеры расплзлись кто куда, Виталик как-то ненавязчиво оказался под боком у миловидной курносой девчушки с медицинской сумкой на коленях, сразу полез знакомиться. Девчушка попалась смешливая, потешно морщила носик, стреляла

глазками. Гоша Царьков вел себя скромнее, в основном молчал, но улыбался до ушей. Перед глазами громоздились ящики с патронами, заслоня обзор. От пола холодило, но это состояние было привычным. Организм прошел закалку, с равным успехом переносил жару и холод. Февраль выдался мягким, но осторожность не мешала. Воспаления легких никто не отменял, эту хворь подхватывали даже закаленные. Месяц все же зимний, а Харьков — та же Россия, хотя и числится почему-то за Украинской ССР...

В кузове до их появления находились шестеро. Две женщины — одна совсем молодая, курносая, другая постарше, черненькая, с вытянутым лицом и немного выпуклыми глазами. В петличках у брюнетки красовались два треугольника — младший сержант медицинской службы. Ее курносая подруга таких высот в воинской карьере не достигла, но званием ефрейтора могла похвастаться. В машине также присутствовал майор-артиллерист средних лет, бледный неразговорчивый капитан с перевязанной рукой, два сержанта-связиста. Один был совсем юн — просто мальчишка, другой успел пожить, отрастить седые усы. Борьба со сном надо было решительно. Шубин завозился, вытянул шею. Впереди катила машина с красноармейцами, люди в касках клевали носами, обнимая карабины. Чуть дальше маячили бензовозы. Дорога тянулась прямой лентой. В кюветах валялась сторевшая тех-

ника: советские полуторки и бронетранспортеры, немецкие вездеходы, «кюбельвагены». Обгоревшие трупы еще не убрали, их припорошило снегом. Проплывали заснеженные поля — бывшие сельскохозяйственные угодья, перелески, мелкие населенные пункты.

— Откуда путь держите, мужики? — спросил майор. У него было что-то с голосом — слова выдавливались с трудом, будто горло обложили наждаком.

— Из Сталинграда, товарищ майор, — отозвался Глеб. — Полковая разведка, переведены в Харьков, на Воронежский фронт, в связи с расформированием прежней части. Машина сломалась, пришлось потеснить вас.

Он поймал на себе заинтересованный взгляд темноволосой девушки. Смущаться та не стала, вяло улыбнулась и уставилась в пространство. В ней не было ничего особенного (хотя в лице угадывалось нечто своеобразное), да и какие, к черту, женщины? В минуты покоя перед глазами вставала Катя Измайлова, с которой он простился четыре дня назад, и менять образ в голове решительно не хотелось.

— Seriously? — удивился майор. — Да уж, Сталинград — это мощно... Жарко там было, капитан?

— Не то слово, товарищ майор. Холод зверский, ветер продувает насквозь... А все равно жарко. Зато колечко красивое смастерили. —

Шубин улыбнулся. — А в колечке тридцать дивизий.

Засмеялась курносая санинструктор. Ее подруга продолжала невзначай разглядывать Шубина. В глубине карих глаз поблескивало что-то ироничное.

— Это точно, — крикнул майор. — Жалко, что лично не поиграл колечком. Пишут, десятки тысяч повозок собрали, чтобы вывезти из города всех пленных.

— Не читал, — улыбнулся Глеб. — Но растерянность в наших рядах точно была. Единственный раз за всю битву — когда увидели, сколько пленных взяли. Их же надо перевозить, кормить, поить, охранять... Словом, ситуация тяжелая и почти безвыходная. Впрочем, Гитлеру бы такие проблемы.

Пассажиры засмеялись. Даже бледнолицый капитан изобразил подобие улыбки и поморщился от боли в простреленной руке.

— Может, вы и Паулюса видели? — спросила курносая.

— Может, и видел, — допустил Шубин. — Может, и лично выводил из берлоги под белы ручки.

Шутка понравилась, народ улыбался. Знали бы они, что это не шутка. Царьков и Шендрик тактично помалкивали. Уж эти знали. Но стоит ли бахвалиться, если все равно не поверят? Разведчики не рыбаки, хвастаться уловом не приучены.

— Загибаете, парень, — добродушно пробурчал майор. — Эх, не удалось нашему полку по Сталинграду погулять. Ничего, по Харьков погуляем. Еще и по Крещатику пройдемся, по Варшаве... Что там дальше?

— А дальше, собственно, Берлин, товарищ майор, — подал голос безусый паренек. — Если не будем размениваться на мелкие городки вроде Кракова или Дрездена. Боюсь, товарищ майор, мы все в Берлин не поместимся, он же не резиновый, право слово...

Народ оживился, выражал одобрение «устам младенца». Похоже, паренек записался в армию прямо со школьной скамьи, не успел забыть, чему учили.

— А вы женаты, товарищ капитан? — спросила курносая. — Меня Оксаной зовут. А это Ида Левторович — подруга и боевой товарищ. Она из Ленинграда, а я из Костромской области.

— Товарищ капитан женат, — быстро вставил Шендрик, украдкой подмигнув командиру. — А ваш покорный слуга — нет...

Загадочно улыбнулась брюнетка, мазнула взглядом незнакомого (но явно героического) капитана.

Продолжалась монотонная езда. Километра четыре с горем пополам одолели. Колонна тянулась еле-еле, тяжелые машины объезжали препятствия и подозрительные участки. Оксана стала ежиться.

— Холодно-то как, мамочка... Быстрее бы уж весна...

— Весна — это плохо, — рассудительно изрек безусый парень. — Дороги раскиснут, начнется распутица. Машины не пройдут, и тогда наступление замедлится, придется ждать лета.

— Молодец, школяр, — хрипло засмеялся майор-артиллерист. — Правильно понимаешь текущий момент и причину наших энергичных действий на Харьковщине.

— Все равно холодно, — протянула Оксана. — И согреть некому...

Встрепенулся Виталик Шендрик, пристроился к девице под бочок и стал ей что-то втирать — видимо, предлагал поработать печкой. Оксана хихикала, потешно морщила нос. Виталик полностью ликвидировал дистанцию. Девушка нахмурилась, но отодвигаться не стала. Беседа угасла. Люди ежились, боролись со сном. Виталик был в своем репертуаре. Не имело смысла знакомиться, общаться. Еще десяток верст, и дорожки разойдутся. Колонна направится по своим делам, а группа Шубина приступит к поискам штаба 133-й дивизии, затерянного в городских кварталах. Впрочем, на приближение городских окраин пока ничто не указывало. За бортом бежали поля и перелески. Небо затянули свинцовые тучи.

Шубин закрыл глаза, потекли воспоминания, перемежаемые значимыми для страны событиями. Разгром под Сталинградом 6-й армии Пау-

люса вызвал небывалый подъем боевого духа и... преждевременной уверенности в своих силах. Рассматривались только наступательные действия. Немецкие войска откатывались на запад, серьезного сопротивления не оказывали. Считалось, что Красная армия способна проводить успешные наступления. Взятие города Харькова становился навязчивой идеей советского руководства. Дважды его пытались отбить — в январе и мае 42-го — и всякий раз терпели неудачу. Разрабатывались планы: окружить и ликвидировать южную группировку вермахта или оттеснить к Азовскому и Черному морям. Ситуация казалась благоприятной. Уничтожить неприятеля в междуречье Северского Донца и Днепра, освободить Донбасс, выйти к Днепру в районе Запорожья. Два фронта практически одновременно перешли в наступление — Воронежский и Юго-Западный. На харьковском направлении упорно сопротивлялась армейская группа «Ланц». Но немцы уступали в численности солдат — советские генералы создали на этом участке пятикратный перевес в живой силе. Пал Купянск, войска форсировали реку Оскол, вышли к Северскому Донцу, взяли Изюм, Балаклею. Воронежский фронт наступал через Курск и Белгород. Освободили Волчанск, и танковые группы командующего Рыбалко устремились к Харькову. Отчаянно сопротивлялась гренадерская дивизия СС «Рейх» и даже остановила на-

ступление. Но приказ из Ставки был неумолим: только вперед, невзирая на потери и отставшие обозы. Операцию закончить до весенней распутицы! Пехота гибла под артиллерийским огнем, замерзала в траншеях. Северский Донец наконец форсировали и к десятому февраля заняли Чугуев. Операция развивалась, Харьков фактически оказался в окружении. Передовые части ворвались в город с юга, работали кавалерийские корпуса. Над вражеской группировкой нависла реальная угроза. Фюрер в Берлине топал ногами, приказывал держать город до последнего. Но Ланц не подчинился, оттянул войска, пока их не заперли в котле. Манштейн справедливо считал, что город не удержать, нужно отходить на запад и на юг, к морю. Воронежский фронт успешно атаковал Харьков, войска Юго-Западного фронта шли южнее — к Запорожью. Харьков брали с трех сторон. Окопавшиеся в нем дивизии СС «Рейх» и «Адольф Гитлер» оказались бессильны что-либо сделать. Бои уже шли на окраинах. Ланц приказал отходить. Повторения Сталинграда руководство СС не хотело. К вечеру пятнадцатого февраля город очистили от противника. В Харьков входили потрепанные танковые и пехотные дивизии. Войска понесли огромные потери, людей шатало от усталости. Но победные реляции уже неслись в Ставку...

Сегодня настало восемнадцатое. Крупнейший на Украине промышленный город уже три дня

находился в руках Красной армии. Наступление по инерции продолжалось. Взяли Ахтырку к западу от Харькова и там остановились. Юго-Западный фронт вел наступление по центральной и южной Украине. Армия Манштейна отходила, впереди заманчиво поблескивал Днепр...

Рокот усилился — незнакомая машина шла на обгон, и водитель явно пережимал газ. Шубин очнулся, завертел головой. Грузовик оказался практически вровень с ним. Вытянув руку, можно было коснуться его борта. «Полуторка» не имела отношения к топливному конвою. Она догнала колонну, какое-то время тащилась в хвосте. Потом водителю надоело плестись в конце колонны, и он рискнул пойти на обгон. Машина тряслась по встречной полосе, уходила в отрыв. Рядом с водителем сидел молодой старлей с каким-то каменным лицом. Он не смотрел по сторонам, его губы были поджаты. В кузове находилось отделение автоматчиков. Мест хватало, люди развалиясь покуривали. Одеты во все новое: легкие франтоватые полушубки, светлые ушанки из овчины. Кто-то, лениво повернув голову, смерил капитана разведки равнодушным взглядом. Привстал Виталик, приветливо помахал бойцам. Двое отозвались, изобразив вялые улыбки. «Малахольные какие-то», — подумал Глеб. Он невольно насторожился — военная профессия обязывала. Уж больно чистые, в новенькой форме, вооружены по первому слову, да и с эмо-

циями на лицах небогато. Сколько подобных подразделений он перевидал в тылу и на полях сражений: забрасывают к нам переодетых диверсантов, и те терроризируют тылы — взрывают склады и мосты, уничтожают командный состав Красной армии. И, что характерно, они отлично подготовлены и мотивированы.

Возможно, он заблуждался. Но рефлекс сработал. «Полуторка» медленно уходила по встрече. Широко зевнул боец с откормленным круглым лицом и выпуклым шрамом под нижней губой.

— Ребята, вы откуда? — выкрикнул Глеб.

Тот, что зевал, насторожился, повертел головой, видимо, выбыл из реальности. На лице возникло недовольное выражение. Но он ответил:

— Из НКВД мы, товарищ капитан! Охрана тыла действующей армии! В Харьков едем! А вот с какой целью, вам лучше у старшего лейтенанта спросить, если вам это надо, конечно!

— И если машину остановите! — засмеялся сидящий рядом с ним обладатель квадратной челюсти.

Подозрения усилились. Боец прав, невозможно остановить колонну, да еще эту чертову «полуторку»! А если начнут стрелять? Всех положат, а рядом бензовозы, по горловину залитые топливом... Шендрик тоже насторожился, исподлобья смотрел на уходящую «полуторку». Встрепенулся Царьков, получив какой-то мысленный посыл, закурился головой. Остальные ничего не заме-

чали, народ дремал, боролся с холодом. Водитель чужой машины прибавил скорость — обогнать колонну предстояло долго. Шубин расслабился — не стоит брать в голову грузовик и его пассажиров, это могли быть обычные солдаты войск НКВД. В боях они практически не участвовали, что-то охраняли, кого-то конвоировали и, понятно, не худели от такой жизни...

Внезапно что-то произошло. Зашумели бойцы НКВД, особенно те, что смотрели вперед. Водитель начал сбавлять скорость. Шубин перегнулся через борт — только так он мог что-то видеть. Ничего серьезного: навстречу двигался гужевой обоз, похоже, с ранеными. И если бы водитель не остановился, пришлось бы протаранить повозки. Шофер надавил на клаксон, требуя впустить его в колонну.

— Еще чего, — проворчал майор-артиллерист. Он тоже оживился, привстал. — Пусть тормозит и в хвост встает.

Но водитель грузовика сжалился, сбросил скорость, машина НКВД въехала в образовавшееся пространство. Теперь она находилась между «полуторками» конвоя. Не лучшая ситуация, но так вышло. Впрочем, поведение бойцов в кузове беспокойства не вызывало. Они отдыхали как ни в чем не бывало, лениво переговаривались. Беседа шла на русском — по губам явно читались матерки. Через минуту обоз поравнялся с головной машиной колонны. Возницы в фу-

файках понукали лошадей. В повозках лежали и сидели раненые с забинтованными головами, конечностями. Одни в шинелях, другие в телогрейках. Обоз был небольшой — четыре повозки. Снова стало интересно, что происходит на дороге, и Шубин перегнулся через борт. Санитарный обоз приближался к машине, в которой ехал Глеб. Раненые мерно покачивались в такт движению. Первая повозка проследовала мимо, поравнялась с замыкающей машиной.

— Братцы, счастливые, в тыл едете! — прокричал кто-то в последней машине. — Девчонкам привет передавайте от доблестных бойцов сороковой армии!

Раненые практически не реагировали. Только один из них поднял голову, еле заметно кивнул.

«Странно, — подумал Глеб. — Головы обвязаны, а крови под бинтами нет. Вообще ни у кого! Как такое возможно? И почему обоз направляется из Харькова, а не в Харьков, где находятся все лечебные заведения? — Словно туман наплыл, какая-то липкая муть заволокла сознание, потерялась резкость. — Что за черт? А при чем тут бойцы НКВД в соседней машине? Да ни при чем, обычные бойцы!»

Во второй телеге сидел мужчина с перевязанной рукой — жилистый, горбоносый, с выпирающими скулами. Взгляд субъекта скользнул по капитану разведки, побежал дальше. Глаза у него были холодные, лицо ничего не выражало.

Мелькнула мысль, что он не больно-то похож на славянина. Но это были только цветочки. Правая рука мужчины поползла под солому, что-то ухватила. Блеснула затворная рама. Автомат «МР-40»! Вытянул руку еще один боец — у него была забинтована нога. Только странно забинтована — бинт намотали поверх штанины. Он вытянул из соломы гранату-«колотушку» с длинной деревянной рукояткой. Колпачок уже был снят, шелковый шнурок неприкаянно болтался... Все произошло мгновенно, весь обоз по невидимому знаку пришел в движение, «раненные» повернулись. В руках у них были отнюдь не костыли...

— Все из машины!!! — нечеловеческим голосом взревел Глеб.

Как поздно, черт возьми! А ведь мог и раньше догадаться! Шквал огня ударил по бортам грузовых машин. Цель маскарада была ясна: внезапным огнем отсечь охрану, а потом расправиться с бензовозами. Но об этом не время думать... Кто-то еще поднимался, кашлял ошеломленный майор-артиллерист. Ползла на корточках Ида Левторович. Продолжая кричать, Глеб схватил ее за шиворот, перебросил через борт. Женщина кричала от боли и страха. Она за что-то зацепилась, но в итоге упала под колеса.

Шубин перекатился через разболтанный борт, плюхнулся в грязь, перемешанную со снегом. Заняли отбитые ребра. Кто-то спрыгивал с машины

рядом с ним, кто-то не успел спрыгнуть. Кричал народ в соседних машинах, хлопали выстрелы, трещали очереди. Граната влетела в кузов в тот момент, когда Шубин катился в придорожную канаву, заполненную рыхлым снегом. Разлетелись борта, обломок доски ударил по ноге, но крупного ущерба не причинил. В голове будто взорвался фугас. Заложило уши, и было странно наблюдать, как бежит, увязая в снегу, беззвучно разевает рот водитель «полуторки». Пули рвали фуфайку, он извивался, продолжая беззвучно кричать. А потом словно лопнул защитный экран: в голову ворвались оглушительный треск, взрывы. Глеб лежал в канаве, сжимая «ППШ» — надо же, не потерял! Рядом копошилась женщина. Он выкопал из-под снега Иду: девушка жалобно стонала, подтягивая под себя ноги. Фуфайка на боку промокла от крови, девушка получила пулю или осколок. Она вдруг энергично задергалась, поднялась на колени. Возможно, рана была неопасной. Капитан схватил девушку за руку, повалил.

— Можешь ходить?

— Не знаю... — В карих глазах теснилась боль. Лицо исказилось. Девушка не спрашивала, с чего они вдруг перешли на «ты». Внезапно Ида встрепенулась. — Что с Оксаной? — спросила она и закричала, сделав неловкое движение.

Она снова попыталась подняться, Глеб толкнул ее на землю, закричал, чтобы не вставала. Грузовик был раскурочен, и лучше не думать

о том, что случилось с Оксаной. С разбитого кузова стекала кровь... Он кричал, чтобы Ида ползла к лесополосе, ни в коем случае не поднималась, если хочет жить. Девушка ползла, оставляя на снегу бурые пятна, держалась за пострадавшее место ладонью и скулила. Пули выли над головой, орали люди. Шубин выкатился из канавы, пополз, съехал в какую-то ямку. Замыкающий грузовик горел. Кузов разнесло, из кабины вырывалось пламя. Под колесами лежали несколько тел. Бойцам НКВД особенно не повезло: не в том месте и не в то время оказались. Граната (возможно, и не одна) прилетела в кузов, убив кучу людей. Но несколько человек успели спрыгнуть, теперь они лежали под колесами, отстреливаясь. Еще двое ползли по снегу тем же курсом, что и Шубин. До спасительных деревьев оставалось семьдесят метров. Но не добраться — все открытое пространство простреливалось. Четвертому от хвоста грузовику не подфартило, как и всем предыдущим. В нем находилась охрана. Спасшиеся были, но немного. Они вели огонь, сдерживая напор «раненых». Участники маскарада оказались шустрыми, они уже избавились от своих бинтов, засели в водосточной канаве на противоположной стороне дороги, вели огонь. Но переходить в атаку не спешили — зачем?

Что-то просвистело — взорвалась мина в голове вставшей колонны. «Почему они встали? —

мелькнула мысль. — Хотя достаточно одной пули, чтобы подстрелить водителя головной машины...»

Взрыв прогремел рядом с бензовозами. Вторая мина угодила точно в цель. Затем рванули еще несколько. Огонь вели из противоположного леса. Сверхнаглость! Это глубокий советский тыл! Теоретически минометы могли провезти в кузове машины. Но это вряд ли. Акцию спланировали, диверсанты проникли в тыл, разделились. О колонне знали. Часть группы изображала раненых, другая засела в леске, а минометы схоронили заранее или захватили советскую батарею, о чем в сводках пока не значилось... Бензовозы пылали как стога сена, распространяя удушливый дым. Зрелище было величественное, страшное. Колонну разгромили в считанные минуты, оставив часть войск без горючего, что делало бессмысленными попытки продолжать наступление...

Но выжившие были. Несколько человек перекатились через канаву, бросились к лесу. Один из них пробежал мимо Шубина. Парень был блее мела, потерял шапку, но голова работала — упал в снег, прежде чем над ним засвистели пули. Шубин обернулся. Ида еще ползла, оставляя за собой кровавую дорожку, голову не поднимала. Ничего, выживет, главное не затянуть с перевязкой и доставкой в лечебное учреждение... Справа перебежали трое, нырнули в снег. Двое возникли слева — они ползли, тяжело дыша. За раскуро-

ченными грузовиками объявились вооруженные люди. Те самые, «раненые». Вся компания вырядилась в советские фуфайки. И как их отличать от своих? Они выглядывали из-за разбитой техники, били короткими очередями, прятались. Диверсанты скалились, смеялись, выкрикивали что-то уничижительное. Залегшие в поле ответили дружным огнем. Шубин тоже стрелял. Выпал из-за капота диверсант с застывшей ухмылкой на небритой роже. Другой (он даже повязку не снял с головы) выбежал, поливая все вокруг огнем. Пули пригвоздили его к бамперу. Мертвое тело сползло под колеса. Остальные не лезли, вели огонь из укрытий. Ойкнул боец, лежащий в снегу, схватился за простреленную ключицу, перекатился на спину и замер, устремив тоскливый взор в небо. Над горящими бензовозами завис густой дым. В дыму еще кто-то шевелился, пытался ползти. В колонне произошел взрыв, сноп пламени взвился в небо.

Распахнулась простреленная пулями дверца грузовика, на котором ехали бойцы НКВД. С подножки сполз молодой старлей с перекошенным лицом. Шубин видел его, когда тот проезжал мимо. Человека было не узнать: лицо превратилось в страшную маску. В районе живота расплылось черное пятно. Ранение было тяжелым, но офицер еще не умер. Он опустил на корточки, сполз в канаву. Было слышно, как он кричит от боли. Потом он начал выползать из канавы.

Пули рыли снег рядом с его рукой. Сил не осталось, и человек сполз на дно канавы. Высунулась рука с «люгером», стрелок прицелился в затылок старлею. Внезапно оживило одно из тел, лежащих на обочине! Шубин узнал его — широколицый товарищ со шрамом под губой! «ППШ», который он держал под животом, выплюнул несколько пуль. Рука с пистолетом убралась, мертвое тело рухнуло под колеса. Боец швырнул гранату. Она перелетела через искореженный кузов, рванула и явно кого-то зацепила, судя по крикам. Боец, невзирая на крупные габариты, оказался живчиком — сделал прыжок и покатился в канаву, где лежал его командир. Дела там были плохи, он выкрикнул из канавы:

— Братцы, Ломов мертв! У него дыра в животе — кулак проходит!

— Лева, давай к нам! — прокричали с поля. — Прикроем!

Идея была не из лучших. Озлобленный противник скапливался за машинами. Полетел ответ в виде «колотушки», она проделала дугу, но боец почувал опасность, рухнул ничком, заткнув уши. Граната упала там, где находился мертвый старлей. Казалось, и от Левы мокрого места не останется. Бойцы возмущенно загалдели. Но, к изумлению собравшихся, боец пульей вылетел из канавы, помчался зигзагами, делая широкие прыжки. Он пробежал под огнем метров двадцать — лицо раскраснелось, глаза горели каким-то сумасшед-

шим огнем, — потом упал, покатился как бревно, продавливая снег. С дороги прицельно били, но зря старались. Он снова подлетел, побежал, петляя как заяц, перепрыгнул через Шубина и снова покатился. Когда Глеб обернулся, тот лежал в нескольких метрах от него и дышал как загнанная лошадь, явно имея желание себя ощупать.

— Молодец, — похвалил Глеб. — Твоя фамилия, случаем, не Попрыгунчик?

— Почти, товарищ капитан, — выдохнул красноармеец. — Прыгунов моя фамилия... Сержант Лев Прыгунов, командир отделения...

— Откуда ты такой?

— Как откуда? Из Карелии. — Казалось, боец удивился, мол, откуда еще? — Городок такой есть, Медвежьегорск, слышали? Рядом еще эти проживают, как их... финно-угорские племена.

— Оттого и резвый такой? — усмехнулся Шубин. — Жизнь научила быстро бегать от медведей и диких племен?

— Вроде того, товарищ капитан... Контузило меня на дороге, сознание потерял. А как очнулся, такой кошмар вокруг творится, тут еще Ломов из машины лезет... Вы не думайте, что я его вытаскивать не захотел. Мертвый он, гарантированно, удивляюсь, как из кабины вылез. А уж после того как граната рядом с головой рванула...

Беседу прервали пули, пропоровшие землю под носом у Прыгунова. Боец побледнел, отполз.

На поле лежала небольшая группа — все, кому удалось вырваться из смертельной ловушки. Красноармейцы отползали, вели огонь из автоматов и карабинов. На дороге появлялись диверсанты, которые сползали в канаву. Шубин приподнял голову. Мурашки побежали по коже. От дальнего леса на обратной стороне дороги отделялись фигурки и быстро смещались к шоссе.

— Тоже вижу, товарищ капитан, — подал голос Прыгунов. — Скоро вся банда подтянется. Давайте отползать, да живее, а то заруют нас к божьей матери...

По цепочке стали передавать: часть отходит, остальные прикрывают. Потом наоборот. Красноармейцы поползли к лесу. Кто-то вскрикнул, застыл: пули пропоролы спину. Нашелся сообщительный — бросил гранату и пустился наутек, пока не рассеялся дым. Пример оказался заразительным: люди вышвыривали последние боеприпасы, пускались в бегство. Диверсанты не решались их преследовать, да и незачем. Цель достигнута: бензовозы уничтожены. Ветер сменил направление, и вскоре весь дым от горящей колонны был здесь, заволок открытое пространство. Люди бежали в полный рост, спешили к лесу. Опасность представляли лишь шальные пули. Но огня практически не было, раздавались лишь отдельные выстрелы — немцы сэкономили патроны. И, что противно, на всем протяжении этого ада, творившегося вокруг,

по дороге не проехала ни одна машина! Личный состав стремительно погибал, а прийти на помощь оказалось некому. Возможно, кто-то и был на дороге, но предпочел не лезть под пули, ждал развязки событий... У самого леса Шубин подхватил под мышки ползущую Иду. Рана продолжала кровоточить. Но вроде не обильно, все четыре литра не потеряет...

— Ты в порядке, Ида... извини, не знаю твоего отчества?

— Марковна... — простонала девушка. — Не знаю, храбрый капитан, ползу, спасибо, что спросил...

Она шутила из последних сил, покрываясь мертвецкой бледностью. Но сама переставляла ноги, при этом сгибалась крючком. В лесу было проще, осины стояли густо. Но листва отсутствовала, пришлось уходить подальше. Глеб осторожно опустил девушку на землю, она свернулась, поджав ноги. Красноармейцы вбегали в осинник, кто-то залегал на опушке, другие углублялись в чащу.

— Прыгунов, живой? — спросил Глеб.

— Живой, товарищ капитан, что мне сделается?

— Не знаю, с другими же что-то случилось... Сколько человек осталось?

— С десятков, товарищ капитан... — Сержант возник в поле зрения Шубина — полушубок распалхнут, шапка на макушке. Он снова дышал так,

словно пробежал утомительный марафон. — Тут пятеро ваших... ну, которые из вашей колонны, остальные наши — успели сигануть с машины... Правда, Вадька Еремеев ногу вывихнул, хромает, как старый пират...

— Что с противником?

— Там фрицы радуются, что колонну подожгли... К немцам подкрепление из леса подошло — в маскхалатах, вооружены до зубов. За подбитой техникой прячутся, нет им резона за нами гоняться. Думаю, уйдут скоро...

— Наблюдай за дорогой. Покричи там, есть у ребят аптечка?

Прыгунов принес аптечку через несколько минут. Постоял немного, сочувственно поцокал языком. Девушка вздрагивала, но была в сознании, смотрела пронзительно и с мольбой. В ней имелось что-то оригинальное, Ида была не такая, как все.

— Ну, готовься, Ида Марковна, буду раздевать. — Шубин опустился на колени, высыпал на землю содержимое медицинской сумки. — Если стесняешься, закрой глаза.

Лучше бы не шутил: она смеялась, и от этого становилось больнее.

— Не трогай, товарищ капитан, сама сниму...

— Только не вздумай полностью раздеваться. Фуфайку расстегни, задери гимнастерку... что там у тебя еще под ней?

— Под ней все только начинается... — простонала девушка. — Там сорочка, два комплекта нательного белья... Холода боюсь — в детстве один раз промерзла, теперь паникую каждую зиму...

Ох уж эти женщины... Она стонала, выгибалась, задирая окровавленную гимнастерку. Все, что было ниже, Шубин разрезал ножом. Он не очень-то хорошо знал анатомию человека. Возможно, пуля зацепила легкое или прострелила одну из почек. Ранение было сквозным, в чем имелись и плюсы, и минусы. Минус — большая потеря крови, плюс — не надо вытаскивать пулю. Он подложил под спину девушки камень, увенчав его собственной шапкой — эти бабы такие принцессы на горошине. Ида ерзала, обильно потела. Он скормил пострадавшей таблетку от боли, обработал рану, заткнул ее комком бинта, туго обмотал вокруг спины, скормил еще одну таблетку. Девушка пыталась улыбаться, смотрела с благодарностью. Ходить ей было противопоказано, и все же она норовила встать. Попытка закончилась плачевно.

— Смирись, Ида Марковна. Тебя ранили, — увещевал Шубин. — С санинструкторами это тоже случается. Бойцы смастерят для тебя волокушу, будешь перемещаться со всеми удобствами.

— Вы так ее обхаживаете, товарищ капитан, словно она вам жена, — заметил Прыгунов. — Ладно, молчу, я ничего не говорил.

Диверсанты вели себя нагло, самоуверенно, будто находились на своей земле. Со стороны дороги трещали выстрелы — немцы отгоняли какую-то машину. Водитель не разобрался в ситуации, ворвался в зону обстрела. Резко дав по тормозам, он стал разворачиваться на узкой дороге. Разбились фары, стекла в кабине. Но водитель был жив и яростно крутил баранку. Пули превращали в лохмотья брезентовый тент. В кузове находились несколько красноармейцев, которые успели произвести по паре выстрелов, прежде чем умереть. Пули пробили бензобак, и «полупортка» вспыхнула и остановилась, перегородив движение в восточном направлении. Пламя перекинулось на кабину, и в считанные мгновения транспортное средство превратилось в факел. Диверсанты смеялись, живо комментируя ситуацию. Они не уходили — видимо, хотели убедиться, что топливо в бензовозах сгорело полностью. Одна из цистерн получила лишь незначительные повреждения. Диверсант бросил в люк горящую тряпку, скатился по лестнице и побежал к своим. Столб взвился в небо. Люди в халатах перекатились в канаву, открыли огонь по лесу. Красноармейцы лежали, не отвечая. Нападать на горстку бойцов диверсанты передумали. Сделали попытку атаковать, получили раненого и откатились. Пока занимались эвакуацией пострадавшего, бойцы подстрелили еще одного. Немцы испытывали недовольство. Раздраженно покрикивал

командир, критикуя подчиненных. Диверсанты, забрав убитых и раненых, стали уходить. Тела вытаскивали на специальных тряпочных носилках. Помешать им не могли — фашисты прикрывали свой отход. Действовали четко, по науке — быстро отступали к дальнему лесу. Как только они скрылись, в лесном массиве загремели взрывы, видимо, уничтожили минометы.

Шубин кусал губы. Это была не его операция, он случайно оказался в этом месиве. Возможно, он вел бы себя иначе, если бы отвечал за безопасность колонны. Но как уберечься от подобных ситуаций? С этой зимне-весенней кампанией было что-то не так. Действовали на волне успеха, не имея четких планов, необходимых сил, материального снабжения. Диверсанты в советском тылу чувствовали себя как дома, уничтожая то небольшое, что удавалось подвезти...

Через пять минут кучка людей вышла на дорогу. Красноармейцы прятали глаза, готовые умереть со стыда. Их вины в случившемся не было, но чувство испытывали омерзительное. Лучше бы умерли, чем эти адовы муки... Иду Левторович пронесли по полю и аккуратно пристроили на обочине. Девушка тяжело дышала, глядя в небо. Кровотечение остановили, но ей срочно требовалось медицинское вмешательство. Она перевела печальный взгляд на Шубина.

— Не говорите, товарищ капитан, понимаю, что произошло, не хочу смотреть на это...

Глаза наполнились слезами, она их закрыла, задрожала. В колонне все было безнадежно. Догорали бензовозы, скорбно застыли остовы машин. Повсюду лежали мертвые. Многие даже выстрелить не успели. Живых не осталось, очевидно, немцы добились раненых. На негнущихся ногах Шубин подошел к своей «полуторке». Сердце тоскливо сжалось. Он забрался в изувеченный кузов, пристроился на свободном от крови участке. Только он и Ида успели покинуть машину, прежде чем в кузов влетела граната. Виталик Шендрик прикрыл собой Оксану, но это не помогло. Осколок попал ей в голову, выдрал клочок волос вместе с обломком кости. В глазах девушки застыло отчаяние. Эти люди только и успели понять, что произошло. От кровавого зрелища волосы вставали дыбом. Гоша Царьков, видимо, успел только подняться со своего места и рухнул с продырявленной грудью. Он, очевидно, стал что-то кричать — рот у него был открыт, глаза блестели. Капитан с перевязанной рукой даже подниматься не стал, понял, что не успеет спастись. Так и сидел, повесив голову на грудь. Кровь на коленях уже подсохла. Майор-артиллерист в бессильной злобе сжимал кулаки. В глазах безусого связиста застыл пещерный ужас. Молодость и быстрые ноги не помогли. Только усатый сержант сделал попытку оказать сопротивление, открыл огонь, привалившись к левому борту. Но быстро отстрелялся и повис головой

к земле. «А ведь сразу мог догадаться, кто эти люди в санитарном обозе... — точил сознание Шубина подлый червячок. — Жалких секунд не хватило, чтобы взять инициативу в свои руки... Эх, ребята, что же мы творим, не бережем себя...»

Высшие силы, видимо, существовали. Но не для всех. К капитану Шубину они явно благоволили. Он знал, что когда-нибудь это кончится, найдет его законная пуля — возможно, уже отлита и покоится у кого-то в патронташе... Но пока так.

Представители армии и советских властей прибыли через двадцать минут. Ида размеренно дышала, умирать не собиралась, шептала, что все хорошо, она потерпит. Бог терпел и нам велел. Хотя какой, простите, бог? Разве он допустил бы такое, если бы существовал?

Тела красноармейцев стаскивали в одно место. Лева Прыгунов с бледным лицом сидел над мертвым другом. Он называл его Васяней, тряс и бормотал, что тот жив, он только что видел, как у парня дрожало веко. Он пытался реанимировать земляка, но все было бесполезно.

Со стороны Харькова прибыли две черные «эмки», грузовик с красноармейцами, чуть позднее похоронная команда на трофейном «двухтоннике» с железной будкой. Выжившие понуро мялись на дороге. При появлении старших по званию стали строиться в шеренгу. Четверо бойцов

НКВД не имели отношения к происшедшему, но уехать им было не на чем, они стояли и ждали дальнейших распоряжений. Из «эмки» выскочил рыхлый коротконогий майор, схватился за голову, обзрев остатки колонны. Он был смертельно бледен, челюсть тряслась. Очевидно, товарищ нес материальную ответственность. Майор срывался на визгливый крик, топал ногами. Ему как воздух требовался виновник произошедшего. Он пожирал глазами понурых красноармейцев, имевших наглость остаться в живых.

— Как такое допустили? Я вас спрашиваю, товарищи?! Почему позволили сжечь колонну с топливом? Вы понимаете, чем это обернется? Я вас всех под трибунал! Да я вас на месте расстреляю! — Он расстегнул кобуру, впрочем, пистолет вытаскивать не стал.

Майору не хватало выдержки, он прекрасно понимал, что трибунал грозит именно ему — по крайней мере, оргвыводы будут сделаны. Он продолжал наскоки на бойцов, требуя от них объяснений. Красноармейцы отворачивались, что-то бормотали. Майор накинулся на Прыгунова, как на единственного представителя младшего командного состава. Боец смотрел на него исподлобья — бледный, неподвижный. Он вообще был ни при чем, весь его грех состоял в том, что он случайно оказался в колонне в момент нападения. Кто-то из бойцов пытался это объяснить, но «ответственное лицо» не же-

лало ничего слушать, наскакивало на сержанта, подобно петуху. Как они посмели?! Где были их глаза?! А может, специально сдали колонну фашистским диверсантам? Ничего, следственные органы разберутся...

Прыгунов, набывшись, смотрел в глаза майору. Пока тот визжал, брызгал слюной, сержант не произнес ни слова, всем своим видом выражал пренебрежение.

— Товарищ майор, побойтесь бога, — робко произнес ефрейтор с изрытым оспинами лицом. — Столько наших погибло, как вы можете...

— Да мне плевать, сколько вас тут погибло! — взвился майор. — Не можете выполнять свои обязанности — погибайте, невелика потеря! Вы были обязаны отразить нападение...

Это была последняя капля, переполнившая чашу терпения Прыгунова. Он ударил майора в челюсть с короткого расстояния! Не вынесла душа. Майор отшатнулся, схватился за лицо. Явный перебор. Но в чем-то Прыгунов был прав. Майор взбесился окончательно, выхватил пистолет и передернул затвор. Прыгунов глубоко вздохнул, распрямил спину. Шубин перехватил руку с пистолетом, но, в принципе, мягко.

— Товарищ майор, не надо. Не делайте то, о чем потом пожалеете.

— А ты еще кто такой?! — взревел оппонент. Он готов был рвать и метать.

Шубин объяснил в нескольких словах, кто он такой, а также поставил майора в известность, что люди Прыгунова не имеют отношения к происшествию.

— На вашем месте, товарищ майор, я бы лучше отдал приказ прочесать вон тот лесок. Если поспешить, диверсантов можно догнать. Им предстоит далекий путь, а следы на снегу хорошо читаются.

— Будешь учить меня, капитан?! — Майор осекся под насмешливым взглядом Шубина, закрипел зубами. Он сбавил пыл, поколебавшись, убрал пистолет в кобуру. — Эй, бойцы, взять этого мерзавца! — Он ткнул пальцем в застывшего Прыгунова. — В изолятор его! Следствие разберется, и эта тварь ответит за все! — заявил он и машинально потер саднящую челюсть.

Шубин был бессилен в данном случае. Он бы сам на месте Прыгунова (да и на своем месте) поступил так же. Но воинское преступление имело место: поднял руку на старшего по званию. Штрафные подразделения существовали уже год, в них и гибла подобная публика. Ладно, хоть не к стенке без суда и следствия. Он угрюмо смотрел, как бойцы разоружают Прыгунова, ведут к машине. Парень не сопротивлялся, сообразил, что перегнул палку...

ГЛАВА ВТОРАЯ

Два взвода красноармейцев в итоге вышли на тропу. Но это были поиски иголки в стогу сена. Время бездарно упустили. Похоронная команда собрала погибших. Их втаскивали в железную будку, укладывали друг на друга. Похоронщики накачали на своей службе неплохие мускулы. Иду Левторович Шубин лично отвез в госпиталь — одна из машин освободилась (красноармейцы убыли в лес и вряд ли могли вернуться до темноты). Водитель согласился сделать ходку в город. Парень оказался жалостливым, смотрел на девушку с сочувствием. Самостоятельно забраться в машину Ида не могла, пришлось подсаживать. Оказавшись в кузове, девушка от боли закусила губу и свернулась на полу. Въехали в Харьков. Небо затянуло тучами, казалось, уже вечер. Налетал ветер, сыпал колючий снег. Пострадавшая затихла, прерывисто дышала. Военные на въезде в город остановили машину, проверили документы. Вопросов не возникло. Здесь сходились многие дороги, движение уплотнилось, обыскивать каждую

машину не могли физически. Все понимали: женщину нужно срочно везти в госпиталь.

Потянулась городская застройка. Многие дома имели разрушения, отсутствовали стекла в окнах. Жильцы закрывали проемы одеялами, забивали досками, чтобы хоть как-то сохранить тепло.

— На Сумскую улицу поедем, товарищ капитан! — крикнул из кабины водитель. — Это самый центр, военный госпиталь недалеко от площади Дзержинского!

— Устроит! — отозвался Глеб.

Сведения по городу Шубин имел отрывочные, восемь лет здесь не был. Улица Сумская, бывшая Либкнехта, считалась главной улицей Харькова. Она соединяла площадь Тевелева с парком Горького, далее тянулась к Лесопарку, а оттуда переходила в автодорогу, шедшую до Белгородской области. Площадь Дзержинского немцы переименовали в «Площадь имени Немецкой армии», но вряд ли это название устоялось. Мусор и обломки зданий с центральных улиц убрали, но город производил унылое впечатление. Проплывали мрачные здания. Некоторые строения остались в целостности, другие лежали в руинах. По тротуарам бродили люди, похожие на тени. Городской парк выглядел жалко. Немцы планировали здесь зацепиться, рыли окопы. Большую часть деревьев уничтожила артиллерия. Валялись орудийные лафеты, обломки снарядных ящиков, стреляные гильзы. На перекрестке водитель оста-

новился, ожидая, когда пройдет колонна по примыкающей дороге. С афишной тумбы свисали обрывки плакатов — их еще не сорвали. Русский текст призывал жителей записываться на «трудоустройство» в Германию. Прекрасные условия труда, достойная оплата, реализация всех своих профессиональных амбиций! Требовались медики, инженеры, квалифицированные рабочие. Эта кампания развернулась в городе чуть ли не с октября 41-го. Поначалу стелили мягко, брали только добровольцев, у них имелась прекрасная возможность изменить свою жизнь к лучшему. Обещали комфорт и радушный прием, уважение и заботу местного населения. По городу расклеивались афиши и плакаты, газета «Новая Украина» живописала счастливую жизнь харьковчан в Германии. Позднее уже не церемонились, появлялись предупреждения: в случае неповиновения будет применяться насилие. Людей увозили в Германию эшелонами — там они гибли от недоедания, от рабских условий существования. В Харькове оставались лишь те, кто не представлял интереса для промышленности рейха...

Госпиталь размещался в видном здании с классическими колоннами. Раньше здесь была областная больница. Здание почти не пострадало. Мины падали в саду перед лечебным учреждением, выворачивали деревья, но здание не тронули. Здесь было сравнительно тихо. Фронт ушел в район Ахтырки, везти оттуда ра-

ненных смысла не было. В беседке сидели раненые — любители никотина, держали оборону: на них наскакивала пожилая нянечка, кричала, что лучше бы от снега дорожки очистили, чем травить свои легкие в неполюженном месте. Госпиталь работал в штатном режиме. На крыльцо выкатили тележку с трупом, укрытым простыней. Шубин свистнул. Прибежали санитары, переложили Иду на носилки. Девушка стонала — могли бы обращаться аккуратнее. Вышел грузный мужчина в белом халате, с большой головой, умными глазами и массивным угреватым носом и бегло осмотрел девушку.

— Это вы привезли? — спросил он.

Шубин кивнул.

— Ну что ж, не вижу ничего ужасного, думаю, справимся, — проговорил мужчина. — Повреждения незначительные. Для нашей медицины это уже не является неразрешимой задачей. Доктор Разгонов, хирург, майор медицинской службы, — мужчина протянул руку.

Шубин пожал ее, тоже представился.

— Добро пожаловать в Харьков, молодой человек. В нашем госпитале проходят лечение около двухсот военнослужащих. Немцы уходили в спешке, ничего не взорвали, палаты, кроватный фонд, медоборудование — все целое. Мы с колес приступили к работе — саперы еще обследовали чердаки и подвалы. Пока неразбериха, но скоро войдем в ритм. Главное, здесь безопасно, Харь-

ков уже в тылу. В общем, спите спокойно, молодой человек, с вашей девушкой все будет хорошо. Оставьте ее данные.

— Спасибо, доктор, она не моя девушка. — Шубин смутился. — Познакомиться не успели, вышла неприятная история с атакой вражеских диверсантов. Знаю, что она из Ленинграда, зовут Ида Левторович. Документы у нее при себе, девушка в сознании... Не возражаете, если вечером загляну? Если время, конечно, позволит...

— Не ваша девушка, говорите? — У доктора был незлой внимательный взгляд. — Как скажете, капитан. Конечно, заходите, будем рады. Моя смена только начинается. — Доктор не поленился дойти до урны и выбросить окурочек. — Парни, несите ее в операционную, посмотрим, что можно сделать. — Доктор Разгонов развернулся и, не попрощавшись, исчез в здании.

— Спасибо, капитан... — Ида лежала на носилках, пронзительно смотрела в глаза Глеба. — Правда, спасибо, вы хороший человек... — Рука соскользнула с носилок, коснулась его руки.

Мурашки побежали по коже. Шубин улыбнулся. Он отрешенно смотрел, как санитары вносят пострадавшую в здание. Нянечке с лопатой удалось загнать курильщиков в здание — они ворчали, что это безобразие, полицаи в селах и то ведут себя культурнее и гуманнее. За фигурной оградой сигналила санитарная машина. Водитель, доставивший Иду, махнул Шубину рукой

и поспешил увести свою «лошадку». Въезжала новая машина. Правый борт, включая кабину, был живописно посечен осколками. Из здания потянулись зевающие санитары с носилками.

Шубин вышел за ограду, нашел скамью в заброшенном парке, закурил. Холода он не чувствовал: деревья и стены домов защищали от ветра. Он докурил, впал в оцепенение. Год и восемь месяцев идет война, а все никак не привыкнуть. Были люди — нет людей, только мертвые тела и память, как десять минут назад они смеялись, ругались, делали какие-то дела... Почему сломался «газик»? Почему подсели именно в эту колонну? Гоша Царьков и Виталик Шендрик живыми стояли перед глазами, только смотрели как-то грустно. Ведь командир не только посылает своих людей на смерть, но и заботится об их безопасности, как бы нелепо это ни звучало...

Он вышел из ступора, выбросил окурок и через десять минут вышел на улицу Либкнехта (нынешнюю Сумскую), где дислоцировался штаб 133-й стрелковой дивизии...

До войны здесь работал райком. В войну — районная комендатура оккупационных властей. Здание при отступлении фашисты не взорвали, очевидно, рассчитывали вернуться. Гитлеровскую атрибутику собрали и сожгли в первый же день. Теперь ничто не напоминало о печальном прошлом. Кабинет на втором этаже был обжитым.

Шкафы, стеллажи, канцелярский стол. На кушетке в углу — пыльное покрывало. Пыхтела переносная буржуйка, дым из выгнутой трубы уходил в окно, завешенное одеялом. Невысокий морщинистый мужчина в форме полковника сидел на корточках и подкладывал в печку дрова. Они стреляли под ржавым коробом, как будто полковник горстями бросал в печь патроны.

— Входи, Шубин, не стой как незванный гость, — проворчал полковник, с лязгом закрывая дверку буржуйки. Поднялся с хрустом в суставах, чертыхнулся, запнувшись о березовую чурку. — Макарчук Василий Иванович, начальник дивизионной разведки. Дай-ка поглядеть на тебя, прославленный ты наш, трижды краснознаменный... — Полковник с ироничной ухмылкой обозрел гостя, не нашел, к чему придраться, протянул руку. — Проходи, падай куда-нибудь. Вот так и живем — где спим, там и работаем... ну или наоборот.

Шубин пристроился у стола, на котором лежала мятая карта, отражающая добрую часть Украины. Макарчук ногой смел дрова в кучу, одернул китель. Устроился на другом конце стола и стал раскуривать трубку — очевидно, хотел походить на Верховного. Он носил седые неухоженные усы, при этом находил время сбривать всю прочую растительность с лица.

— Бледный ты, — констатировал полковник. — Или всегда такой? Где твои взводные?

В коридоре ждут? Ожидали троих — полный командный состав разведывательной роты.

— Их не будет, товарищ полковник, — сухо отчитался Глеб. — Погибли три часа назад.

— Вот незадача... — Макарчук помрачнел. — А ты, значит, выжил.

— Виноват, — сказал Шубин и подумал: «Я всегда выживаю. Люди сотнями мрут вокруг меня, а я живой. Совсем совесть потерял...»

Макарчук с мрачной миной выслушал рассказ, покачал головой.

— Да, прошла сводка. Жалко ребят, жалко потерянное горючее...

Потерю ребят он поставил на первое место, мысленно отметил Шубин. Обычно сожалеют об утрате материальных ценностей. Человеческая жизнь менее важна. Людей в Советском Союзе как грязи в деревне.

— Хорошо, что ты живой, — вздохнул Макарчук. — Ладно, что-нибудь придумаем. Есть у меня на примете пара хлопцев, пришлю их к тебе — присмотришь, может, подойдут. Молодые лейтенанты, оба полгода в армии, не из робких. А если выжили, значит не дураки, верно?

— Или повезло, — не по уставу ответил Глеб.

— Или так, — допустил полковник. — Да один хрен, — махнул он рукой, — что везучий, что невезучий — бомбам и снарядам это не объяснить... В общем, направлю их к тебе — сам решишь, подойдут или нет, ты человек опытный. Наши все